

Т

етке Стасе опять не спалось. Это повторялось уже которую ночь подряд. С вечера она, намаявшись за день, вроде бы быстро и крепко засыпала, а потом, через пару часов, резко прокидывалась, оттого что ей не хватало воздуха. Она подолгу лежала неподвижно, с закрытыми глазами, пытаясь унять расходившееся сердце.

— Ну, чегой-то с тобой опять-то? — мысленно спрашивала она у своего «двигателя». — Устало, бедненько, устало. Ну, погоди-то, не части так. Тихенько, тихенько... Нема ж войны уже, не бейся, не бейся... Полтора года, как нема...

Когда бешеный пульс понемногу успокаивался, тетка Стася открывала глаза. Первое, что видела она напротив дощатого настила, служившего ей кроватью, было желтоватое в ночном мраке пятно лица Николая Угодника.

Икона была единственной вещью, которую Стася успела выхватить из уже полыхающей хаты под гогот подвыпивших немцев. Наскоро отступая, они, окружив деревню, уже не сгоняли в сарай стариков и баб с малолетними детьми. Спешно прошерстив хлевушки и вспоров последние оставшиеся в живых подушки с матрасами, фашисты подожгли деревню с четырех сторон и, для пущего страху разрядив несколько обойм под ноги обезумевших от

горя воющих баб, пошли дальше, зажимая под мышками трепыхающихся тощих кур.

Бабы, голося навзрыд, кинулись было тушить крайние хаты, но осень сорок четвертого года была на диво сухой и теплой, да и порывистый ветер быстро закончил дело, начатое фашистами.

В этом пожаре уцелела и старая кошка тетки Стаси — угольно-черная, без единой белой шерстинки Васеня. Васеню еще до войны котенком принес младший сын Стаси, пятнадцатилетний Алешка. Прибежал с улицы и дрожащими руками ткнул что-то матери в подол.

— Мамк, давай возьмем кошенка, а? Я на поле нашел. Поглядь, какой маленький, сосун еще, видать. Помрет же ж.

Тетка Стася подхватила из рук сына черненький, еле теплый комочек. Котенок открывал розовый беззубый ротик, но звук не шел.

— Ай-яй, горечко ж мелко! Так он не видит же ж, глазки большие, — закудахтала тетка. — Поди-тка, вон там за забором ромашки растут. Нарви жмени две. Только рви те, у которых сердечник вверх торчит, то лечебные будут.

Алешка мигом принес большую пригоршню цветков. Мать заварила их крутым кипятком и, когда взвар остыл, намочила мягкую тряпочку и долго отмачивала мордочку котенка.

Через несколько дней отпоенный парным молоком и вымытый ромашковым отваром котенок ожил. По традиции его назвали Васькой — как и три десятка других деревенских котов. Васька свое имя запомнил очень быстро, но за хозяина признавал только своего спасителя, Алешку. Он никогда не терся об ноги ни самой тетки Стаси, ни отца, ни Алешкиного старшего брата Петра. В руки он тоже не давался и сердито рычал, когда кто-то хотел его приласкать.

Была у кота странная привычка: как только Алешка усаживался, Васька подходил к нему, становился на задние лапы и так, вытянувшись в струну, клал голову на колено хозяина. Стоять в таком положении, практически не шевелясь, он мог очень долго.

Ровно через год Васька благополучно принес троих таких же черных, как и сам, котят. Соседки долго подтрунивали над Стасей, мол, как же ты не разглядела котятче «хозяйство»! Васька, успевший привыкнуть к своему имени, ни на каких Мурок и Катеков не реагировал и так и остался Васькой, правда, в немного измененном виде — Васеней.

За несколько часов до пожара Васеня исчезла. Выскользнула из хаты и как будто растворилась в воздухе. Как только фашисты вышли из объёмной пламенем деревни, кошка тут же появилась вновь.

За всю войну и год с лишним, прошедший после, кошка ни разу не окотилась, а в последнее лето, видимо, от постоянного испуга и недоедания начала чахнуть. Почти всегда она лежала, свернувшись клубком, и широко открытыми глазами следила, как тетка Стася управлялась, наскоро швыркала самодельным веником по земляному полу и уходила работать в поле.

Нетронутой огнем того пожара в их деревне осталась одна-единственная кургузая хата бабы Матрены, по-уличному — Матруси, о которой по деревне ходили недобрые слухи. Поговаривали, что она мало того, что ведьма — гадает на картах, так еще и раненого молодого немчонка выхаживала — притащила на себе из соседнего леса после того, как закончился скорый бой поредевшего немецкого батальона с засевшими в лесу партизанами. Когда бабы прознали, что Матруся просит молока от един-

ственной на три окрестные деревни коровы вовсе не для советского солдата, чуть не устроили самосуд. Собравшись возле Матрусиной хаты, они колотили кулаками в хлипкие стены и требовали отдать им немчонка-вражину. Матруся, приоткрыв дверь, сначала пыталась донести до баб, что раненый немчонок совсем молодой, дите. А потом, поняв, что соседки настроены серьезно, распахнула дверь настежь, отошла и, уперев руки в худую поясницу, медленно проговорила:

— Ну, давайте, заходите. Давите его. Только помните, что и ваши дети у какой-нибудь немецкой бабы вот так же могут лежать.

Неожиданно обернувшись на моментально притихших баб и оглядев всю толпу, Матруся ткнула черным заскорузлым пальцем в тетку Стасю:

— Ты, Стася, давно похоронную получила на старшего? А мужик твой где? Погодь-ка, приползешь ко мне еще. И ты, Верка, — она перевела взгляд на другую женщину, — не будешь знать, куда кидаться, когда безногого привезут твоего.

Матруся закрыла хату. В гробовой тишине тонким голосом выла Стася, скомкав грязный передник и засунув его в рот. Бабы, не проронив больше ни слова, разбрелись по своим землянкам и наскоро слепленным буданам.

Тетка Стася встала, зажгла керосинку. В изножье кровати заворочалась Васеня, протяжно мяукнула. Стася попила воды из гнущейся алюминиевой кружки и села на лавку, под закопченного Николая Угодника. Минуту подумав, она вытащила из-за иконы скрученные в трубочку грязно-серые бумажки, развернула и поднесла поближе к трепыхающемуся тоненькому огоньку. «Уважаемая Анастасия Павловна! С великим прискорбием сообщаем Вам, что Ваш муж... Игнатий Васильевич пал смертью храбрых в бою под...» Дальше тетка Стася прочитать не могла — чернильные строчки расплылись под каплями ее слез еще тогда, в сорок третьем. Дрожащими руками она разгладила похоронку, прижала к щеке, закрыла глаза. Посидев так немного, взяла другую бумажку — текст был точно таким же за исключением имени: в строчке «Имя и имя по отцу» стояло: «Петр Игнatieвич». Третий тоненький листочек был совсем свежим. В нем значилось, что «...сын Алексей Игнatieвич пропал без вести в 1945 году в бою за Берлин». Алешку призывали, как только ему стукнуло восемнадцать, и вот...

По впалым щекам тетки Стаси потекли слезы. Алешка, Алешенька, младшенький... Знать бы хоть, где твоя могилка, где твои косточки нашли последний дом...

— Надо идти! — вдруг подумала тетка Стася. — Пусть скажет хоть что-то.

Тетка Стася встала, плеснула в лицо холодной воды прямо из ведра, скребанула беззубым гребнем по голове, затопталась по хате. Нагнувшись под трехногий стол, вытащила корзинку с десятком яиц, положила туда же тонюсенький кусочек грязно-серого сала, завернутый в тряпицу. Шикнув на кошку, она, крадучись, на цыпочках вышла из избы и, пригибаясь, быстрым шагом направилась на край деревни.

— Кто? — спросил сонный голос из-за щелястой двери, утыканной пучками мха.

— Я это, Стася Игнатиха, не бойся. Открой.

— Щас, погодь трохи.

Матруся приоткрыла дверь и, убедившись, что это действительно соседка, пропустила ее в избу.

— Чего тебе среди ночи? Помираешь, что ль?

Тетка Стася, поставив на лавку корзинку, неуклюже бухнулась Матрусе в ноги, обхватила их руками и запричитала сквозь слезы:

— Не прогоняй, миленькая! Помоги, сил больше нет терпеть-то. Кинь карты на Алешку моего. Мож, жив еще. Не написано же ж, что мертвый, пропал без вести.

Матруся невесело усмехнулась.

— Говорила же ж, придешь еще ко мне. Так вышло, по-моему, а? Я еще тогда видела, что ты придешь. И сейчас знаю, чего ты тут. Только ты сама мне скажешь... Да ладно, вставай, Стася, не гоже прошлое поминать, грех это. Вставай, да садись вот на лавку.

Матруся подождала лучину, убрала длинные волосы под замызганную косынку и принесла стопку толстых карт, затасканных и засаленных до такой степени, что они больше напоминали ломти сала, чем куски картона. Смахнув со стола крошки, Матруся стала шлепать в него карты, пристально всматриваясь в них, то качая головой, то цокая языком.

— Пропал без вести, говоришь?

— Так же ж, пропал. Написано. В бою за Берлин.

— Не знаю, Стася, что такое. Карты мои ни разу не ввали, но...

— Как есть, так и скажи. Умаялся я от неизвестности-то. Хоть буду знать, как-то с ним все.

— Вижу, что есть он на этом свете, но как будто лица у него нет. Одни глаза живые, а лицо как будто расплзлось все. Стало быть, живой твой сын. Жди, Стася, вернется он, скоро.

Тетка Стася последних слов уже не слышала, так как сползла без сознания аккуратно под лавку. Матруся плехнула ей в лицо воды, и Стася, хватая ртом воздух, снова уткнулась лицом в колени Матруси, как заведенная, повторяя на одной ноте:

— Спасибо, миленькая! Спасибо, Господи!

— Да ладно, нема за что. Иди, Стася, а то как бы бабы не прознали, что ты ночью была тут. Еще спалят будан твой. И кошелку забери. Как будешь идти, так оставь ее у Верки Семенихи на крыльце. Дети малые там, да мужик как полмужика, безногий, ей нужнее.

С той самой ночи тетку Стасю как будто подменили. В поле она работала за двоих, даже просилась на подмену, когда какая-нибудь из баб не могла выйти на работу. Когда второй послевоенный урожай был убран и началась зима, тетка Стася без устали расчищала снег возле крылечка, моталась в лесок за хворостом, утепляла хатку, наспех сколоченную из того, что можно было найти на пепелищах и под ногами. Она притащила откуда-то оконную раму с почти целым стеклом, и теперь днем на небольшом окошке частенько восседала черная Васеня. Два раза в месяц в деревню приезжал на лошади «магазинщик» — бородатый мужик на деревянной ноге — и привозил сахарин, керосин, бесформенные юбки из крашеной самотканой материи, куски серой бумаги и другие бабские мелочи типа шпилек, ручек для ухватов, дубовые кругляши для подставок под чугуны... Неизвестно каким образом сторговавшись с магазинщиком, тетка Стася выторговала себе цветастый платок и — о чудо! — кругленькое надтреснутое зеркальце, которое надежно упрятала в безразмерный обгорелый с одной стороны сундук.

Ближе к весне тетка Стася даже умудрилась приобрести себе мелкую однорогую козу Майку, для которой носила из леса березовые и еловые

веники из тонюсеньких веточек. Рядом с домом она расковыряла небольшую грядку, обыгав ее разновеликими кривыми сучьями.

Кошка Васеня как будто тоже сошла с ума вместе со своей хозяйкой. В один из одинаковых в ожиданиях дней она куда-то исчезла. Тетка Стася думала, что животина окончательно зачахла и подалась в лес умирать. Но Васеня вернулась через пару недель, и дальше все было как обычно. Ровно через два месяца кошка притащила тетке Стасе в кровать только что родившегося черного котенка, положила хозяйке на грудь и села рядом.

— Вот те и раз! Сдурела на старости-то? — протянула тетка Стася, но котенка вместе с мамашей поместила в дырявый картофельный кош.

Более того, бабы-соседки стали замечать, что тетка Стася, скорее всего, повредила от горя в уме: ковыряется-ковыряется в поле или возле хатки, потом выпрямится, смотрит куда-то вдаль и улыбается сама себе, а потом еще и скажет что-то тихонько... Позовешь ее — как будто вздрогнет и — опять вроде бы нормальная.

Другие тетки из бригады начали подтрунивать над Стасей:

— Послушай-ка, говорят, что к тебе мужик какой-то сватался, ай нет?

— Да ну вас, пустозвонки, какой мужик мне! Мне уже и помирать скоро. Да и не нужен мне никто. Игнатушку вот война забрала...

Губы тетки Стаси дрожали, лицо кривилось, и она долго-долго не поднимала голову, стараясь налегать на лопату или мотыгу еще сильнее.

Сама себе тетка Стася думала, что если Алешенька вернется, то обязательно на большой праздник. Иначе и быть не может. Поэтому и к Пасхе готовилась особенно тщательно: побелила глиняную печурку и потолок, натаскала глины из овражка и вымостила земляной пол. Но проходил праздник за праздником, а сына все не было. В душе она уже нередко начинала клясть Матрусю, обнадежившую ее. Но как только сталкивались с ней возле родничка или у магазинчика, Матруся многозначительно кивала ей головой, и Стася снова на некоторое время притихала и улыбалась сама себе.

В самый сенокос ей вдруг стало плохо. Может, от жары, а может, силы покинули напереживавшуюся на две жизни вперед женщину. Тетка Стася отползла под куст, прилегла на мягкую шелковую траву и закрыла лицо руками. Вроде бы стало немного легче.

— Баб Настя, а, баб Настя! — звал ее пацаненок Верки Семенихи. — Ба-а-ба На-а-стя!

— Чего тебе? Чего-то орешь, как оглашенный! — подхватила тетка Стася.

— Там тебя какой-то мужик ищет! Страшенный — жуть! С обпаленной мордой, такой. И руки одной нет. Мычит чегой-то, только глазищи зыркают.

— Шла б ты домой, тетя Стася, — посоветовал бригадир. — Мало ли что, время тяжелое, ходят всякие — недобитки немчурские. — Он недобрым взглядом окинул Матрусю, махавшую косой неподалеку. — Еще оберет хату, последнее унесет.

Тетка Стася медленно побрела домой. Как назло, разболелась голова, бухало в глаза красными молниями. Подходя к своей избенке, она дернулась и замерла на месте. На косеньком невысоком крыльчке топтался незнакомый седой мужик и, воровато оглядываясь, пытался одной рукой открыть фанерную дверь. Дверь не поддавалась, и он соступил с крыльца и, сильно прихрамывая, пошел под окно, заботливо остекленное теткой Стасей.

Тетки Стасины ноги ослабли, и она едва не рухнула ничком в дорожную пыль. Пересилив себя и облизнув враз пересохшие губы, тетка Стася двинулась к хате. Незнакомец скрылся за хаткой, и тетка Стася, подняв щербатый серп и занеся его над головой, начала заходить с другой стороны. Она успела услышать, как завывала в хате Васеня и, видимо, чувствуя опасность, билась изнутри в запертую дверь.

Сделав шаг за угол, она столкнулась с мужчиной и остолбенела от испуга. Лицо его было обожжено до костей и зажило уродливыми рубцами. Волосы на голове росли пучками и были абсолютно седые. Как и говорил Веркин пацаненок, у мужика не было одной руки от самого локтя, в другой он сжимал какую-то тряпку. Однако, глаза его остались целыми и в упор смотрели на тетку Стасю. Тетка Стася глухо охнула, схватилась за сердце и осела на землю.

Когда она очнулась, был уже вечер. Она осмотрелась. Хата ее была цела, дверь заперта, а страшного мужика поблизости уже не было. Надрывно верещала кошка, запертая в хате. Тетка Стася приподнялась на руке и снова замерла: седой человек сидел поодаль на старой колоде, на которой она рубила хворостины. Она подумала, что успеет заскочить в дом и запереть его изнутри, прежде чем он, хромой, сможет ее догнать.

Собрав все силы, она подскочила, опрометью бросилась на крыльцо, отперла слабую дверь и вбежала в дом. Кошка пулей выскочила во двор и метнулась прочь. Тетка Стася заперла дверь на крючок и устало осунулась на лавку. Черпая кружкой воду из ведра, краем глаза она увидела, что рядом с сидящим на колоде страшным мужиком, встав на задние лапы, вытянувшись в струну и положив голову ему на колено, стояла черная Васеня.

